

ТЕАТРАРИУМ

1 "Зингаро" — это довольно большая территория, окруженная металлическим забором в жилом квартале Обервилле, удаленном от центра Парижа, как наше Медведково — от Садового кольца. А за забором — странное "сожительство" объектов и предметов: металлические ангары и многоярусные деревянные постройки с башенками, "Рено", "Фольксвагены", "БМВ" — и... пахнет сеном. Из бампера грузового "мерса" почему-то торчат розовая герань в горшках. Все это хозяйство зажатое полукругом фургонов на колесах, где живут артисты с семьями. Не то деревня, не то город. Не то коммуна, не то... монастырь. Тихо, чисто, никакой суеты. Как будто вечером здесь не будет генерального прогона перед мировой премьерой, ожидаемой в мае в Москве...

— Бонжур, — бросил на ходу меся Бартобас — идеолог, лидер и гений "Зингаро". Его мрачный вид нарушал эту утреннюю идиллию. Он что-то кричал на ходу про конюшню, про перевозку лошадей в Москву. Художник был мрачнее тучи.

— А лошади перед премьерой нервничают? — спрашиваю я Пьерика — главного в "Зингаро" по лошадям.

— Да нет, сейчас они спокойны. Но накануне спектакля ведут себя не как всегда. Что-то чувствуют, наверное...

Страна "Зингаро" живет по своим неписаным законам и культам. А культ здесь один — лошадиный. Лошади здесь на каждом шагу — в бронзе, дереве, масле, графике и акварели. А какие имена! Караваджо, Эрос, Дионисий, Посейдон, Гермес и Хезе Грейт Руаяль Кид... Вам все понятно? Здесь нельзя произносить слово "убой" или, не дай бог, "живодерня". Во всяком случае, Маяковский, в 1918 году сочинивший "О хорошем отношении к лошадям", был бы страшно доволен. А некоторые просто обзавидовались бы, узнай они рацион бартобасовских одноклассников и как те достойно встречают свою лошадиную старость. И где? В Конной академии в Версале! Одним словом, королевская жизнь. А король у них — Бартобас.

Впрочем, сейчас к его величию лучше не подходить: кажется, что даже изящно выстриженные остроносые сапожки бакенбарды встали дыбом.

2 Будешь чистить с нами картошку? — спрашивает меня технический директор театра Даниэль и протягивает нож. Выяснилось, что технари делают фри и мидий по особому случаю: они отбывают в Москву, чтобы в Коломенском обустроить все к приезду театра, и по-нашему делают отвалную.

Картошку чистим в деревянном шопито, где стены плотно заставлены чудными масками, костюмами, оружием и прочим реквизитом из всех спектаклей, сыгранных "Зингаро" за 20 лет своего существования. В столь эстетической атмосфере за прозаическим занятием я и узнала много интересного о премьере, которую везут в Москву. А именно: что в "Конях ветра" — такое название спектакля — занято 26 лошадей, 30 гусей и 10 тибетских монахов. Причем 24 лошади — дебютанты: 4 американской породы, 15 аргентинцев, 3 португальца, 1 чистокровный британец и 1 француз.

— Называется порода кобо, — говорит Пьерик. — Возраст у них разный, от 7 до 14 лет.

— А что самое сложное в работе с новичками?

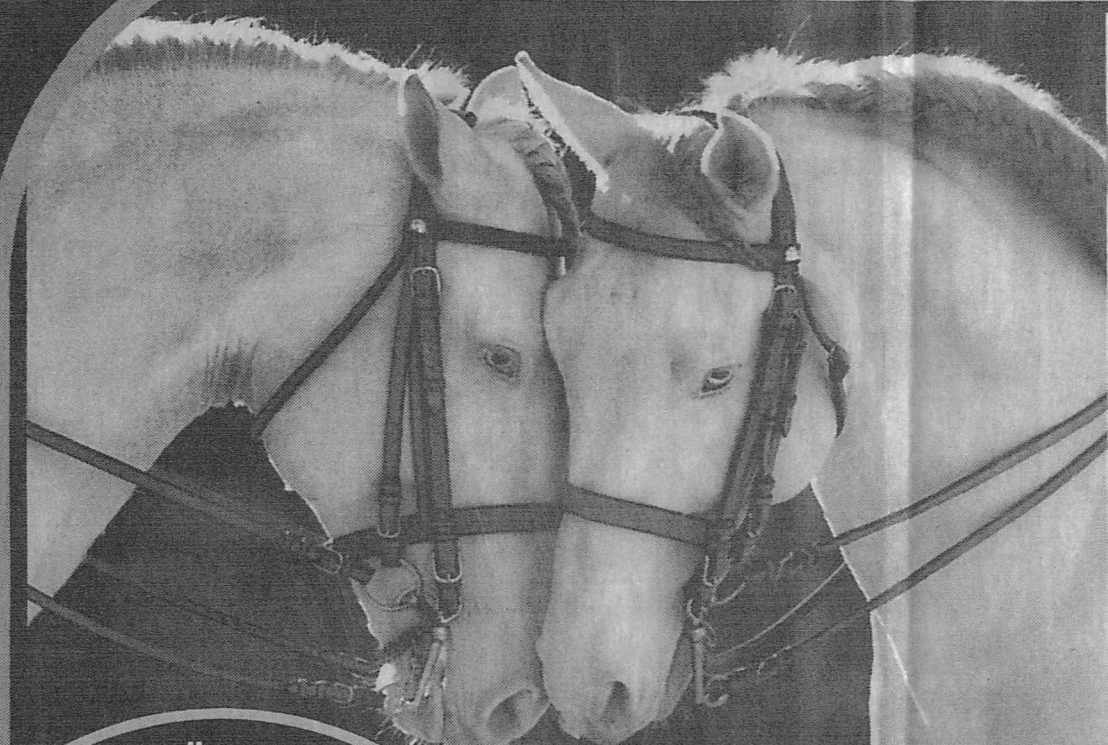
— Самое сложное — их приучить к зрителям, чтобы не боялись. Поэтому на последние репетиции мы всегда приглашали то школьников, то знакомых. Сегодня и завтра будет полный зал — все приглашенные.

— А лошади различают цвета?

— Цветов они не видят, но различают вариации тонов. Они очень чувствительны к резкости цветов. Например, реагируют на ярко-красный, белый, желтый, а бордовый для них скорее просто темный. Конечно, поначалу лошади пугались. Тем более что размер масок и костюмов увеличивают рост наездников, особенно если они стоят на седле.

3 Что же это за спектакль такой везет в российскую столицу меся Бартобас — мужчина резкий, с острым графическим профилем? Кстати, а почему спектакль в своем названии имеет два слова, вопреки многолетней традиции давать название непременно в одно слово и непременно из семи букв?.. Как объяснили мне знающие люди — ничего подобного. Это по-французски и в переводе на русский — два слова. А на тибетском — одно и в семь букв: "loungta". Вот вам и кони ветра. С Тибета, между прочим.

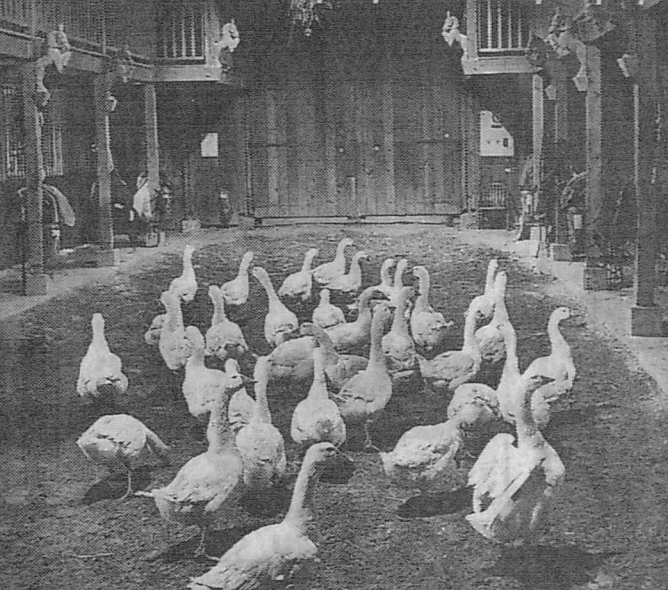
Вообще, если вдуматься, то Бартобас сделал то, что и в голову прийти не может — соединил настоящий буддийский молебен с театром, цирком и кино. Настоящих монахов с артистами. И в конечном счете Тибет — с европейской цивилизацией. Он обратил молитву в фарс, перенес ее на цирковую арену?.. Сколько же это рождает вопросов — от философских (нет ли в этом страшного греха?) до материальных: а получают ли монахи гонорар за выступление?

Мимо провели белогривого коня под уздцы. Чернокожий всадник, весь в черном, промчался на вороном коне. В стороне за живой изгородью заготовили гуси, и по силе звука было понятно, что их — целая стая.

Что это? Деревня с крепким конезаводом или скотный двор в Париже? Ни то и ни другое. Это театр "Зингаро" — отдельный город в городе (извините за тавтологию).

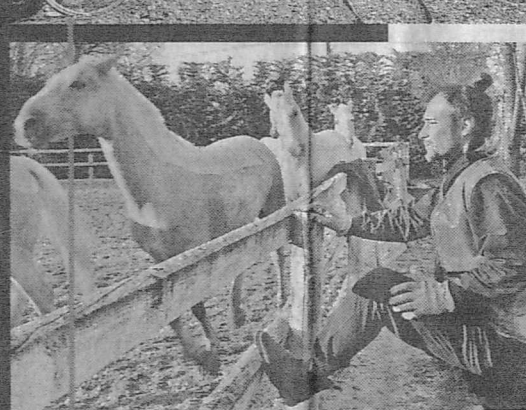
Париже. Отдельная страна в стране (опять пиррон) Франции. Чем и убедился обозреватель "МК", первым из российских журналистов допущенный в эту странную и необычную страну.

МОЛИТВА

Фа-фа, Оракулы, Будда и дрессированные гуси

ДЛЯ ЛОШАДИ

4 Итак, зал. Манеж с двумя бортиками и терракотовым покрытием, как на теннисном корте. Между прочим, один из бортиков серого цвета — это редкая вулканическая порода, которая есть только в двух точках на планете — в маленьком местечке центра Франции и на Гавайских островах. Даниэль на Гавайские острова не поехал и добыл породу для своего безумного хулигана в родной стране.

Манеж из-под купола покрывает огромный прозрачный сетчатый коллап, как многослойная женская юбка дорогого костюма. Коллап отливает то голубыми речками и горами, то черными провалами, прозрачность которых придает еще не начавшемуся действию атмосферу таинственности. Монахи в желтом одеянии расположились на возвышении по двум сторонам манежа.

Ударил гонг, заревели длинные трубы, пошел непривычный звук. Под коллапом медленно, как в рапиде, по кругу двигаются светлые стройные кони. Они будто плывут, как облака на сетке. Образ текущего времени оформлен низким горловым пением. Его, как мне удалось выяснить, на Тибете называют дифоническим. В седьмом-восьмом веках военные использовали эту технику как военные кличи, но потом их переняли в монастырях.

Особенность этого пения — еще его называют "голосом буйвола" — в том, что есть очень высокие и очень низкие звуки. Согласно преданиям, особенно высокие звуки могли услышать только посвященные. В "Зингаро" теперь их слышат все и видят, как под них меняются образы, всплывшие в сознании художника Бартобаса и воплощенные с помощью невероятной красоты лошадей, наездников в диких масках и костюмах. Ловкие всадники, оракулы и шаманы, а также маленький трогательный ослик и гуси.

Состав артистов — прелюбопытный. Вот оракулы, которые, закатив глаза, бегут по бортику манежа. Это парни с Мадагаскара — Фа-фа и Да-да. Фа-фа — фанат советского кино и обожает "Неуловимых мстителей", которые он посмотрел еще в период засосной любви Мадагаскара и СССР. Еще в "Конях ветра" у Бартобаса — русский наездник Игорь Верлицкой. Он попытался попасть в "Зингаро", когда театр два года назад выступал в Москве. Тогда его не взяли, а потом, после того как русский артист продемонстрировал экстра-класс в одном из цирков Франции, его позвали в "Зингаро". В "Конях ветра" он один из лучших вольтажеров.

Или вот еще гуси: белокрылая стая на терракотовом манеже — сплошная живопись. А если представить среди светлой птицы еще белого коня с наездницей в белом — можно обречься от красоты, не замыкаясь на смысле картинки. Хотя она, как всякий талантливый образ, несет бесконечность информации: например, лидер (стало быть, конь) и стадность общества (стало быть, птица). Также можно всерьез задуматься о преимуществах коллективной агрессии над индивидуальностью. И так далее, и так далее...

Сам Бартобас, в отличие от, скажем, предыдущего спектакля "Триптих", где он появлялся только в финале, в "Конях ветра" на манеже присутствует очень много. Но он — ну буквально как печальный демон, а практически — дух изгнания. Все время один, вне и за... Даже в финале, когда на коллапе пойдут кинокадры — города, пожары, цивилизации, народы, населяющие планету, представители флоры и фауны... — он на черном скакуне под магический вой ветра покинет манеж. Может быть, он человек ветра? Надо бы спросить.

5 Случай представился на следующее утро. Меся Бартобас находился в хорошем расположении духа: бакенбарды будто стелились по скалам. Он завлек меня в вагончик, и там... Нет, не сорвал одежды, а ответил как на духу на все вопросы.

— Почему в вашем новом спектакле — именно Тибет?

— Я давно знаю тибетскую музыку, и, очевидно, пришел момент, когда понимаешь, что ее надо использовать в спектакле. Но скажу, что меня в данной истории интересовало больше не сам спектакль, а возможность в течение трех лет (столько мы будем играть "Коней ветра") разделить жизнь тибетских монахов. В данном случае меня интересовала музыка не как иллюстративный материал, а как помогающая войти в определенное состояние. И еще один из важных аргументов, не главный, но весьма значительный, — сохранение тибетской культуры. Мне хотелось помочь этим людям, у которых и осталась только разве что их культура...

— Костюмы и маски так же аутентичны, как музыка?

— Нельзя сказать, что это стопроцентное воспроизведение, — скорее, их стилизация. Но даже монахи говорили, что они выглядят аутентичными. Лошадей надо постепенно приучать — сначала к музыке, потом к костюмам, к маскам, а потом ко всему вместе.

— Пришлось ли из-за этого отказаться от каких-то рискованных трюков?

— У меня совершенно другой принцип работы: никаких подвигов не люблю совершать, что-то сложное искать. Мне важна в работе та эмоция, которая будет вызвана этим спектаклем.

— В спектакле — непривычная для многих, медитативная музыка. Как к ней привыкали лошади?

— Вопрос: слышат ли лошади музыку? Я уверен, что они чувствуют ее через наездника. Поэтому еще за полгода я ставил артистам эту музыку.

— Пришлось ли вам получать разрешение на работу монахов в светском зрелище?

— Я пошел официальным путем: я объяснил представителям Тибета здесь, что такое "Зингаро", потому что даже французы не все понимают дух театра. А они, эти представители, в свою очередь добились разрешения далай-ламы. Я сам был удивлен, что им разрешили участвовать в представлении. Хотя тибетские монахи лет пять назад выступали в театре "Буфф дю Нор". Но вообще они очень редко это делают.

— Получают ли они гонорар за выступление?

— Конечно. Дары — способ существования тибетских монастырей. Таким образом я даю возможность им выйти и защитить свою независимость. Зарплата монахов идет монастырям, а сами они живут на суточные.

— Теперь о гусах. Почему гуси, а не другая домашняя птица?

— Вообще у нас всегда были гуси. Например, в "Химерах" мы их выводили на поклон. А почему гуси? Наверное, надо спросить моего психоаналитика.

— В финале спектакля "Кони ветра" вы уезжаете на черном коне под шум ветра. Вы человек ветра?

— Может быть.

6 Наутро в стране "Зингаро", которую с полным правом можно назвать страной Бартобасией, было миролюбиво и благостно. Мимо провели под уздцы белую лошадь, и ее грива была вся в косичках. За живой изгородью заготовили гуси, и по силе звука было понятно, что их — целая стая. Черная собачка улеглась рядом с рыжим псом, который млеял на солнце. В конюшне, где почему-то не пахнет навозом, трехцветный конь по имени Пикассо косил черным глазом. Маленький ослик с гордым именем Мэтр де Дьё (Мастер богов) с любопытством тыкался теплым носом в мою руку и выразительно сопел.

Ну что, дружок, пора собираться в Москву?..

Марина РАЙКИНА,
Москва—Париж—Москва.
Автор благодарит за помощь
в работе Елену Наумову.